

НАСЛЕДНИКИ

РАССКАЗ

Скупцов все приглядывался к зятю. Лоб у Кости широкий и шинноватый, с большими запысинами. Шени впадые, подбородок острый. Про таких говорят: узконосый.

Гуськом — впереди хозяин дома, за ним Костя и последняя Лида — прошли в дом, остановились в кухне. Скупцов молча показал гостям на крашенные табуретки и исчез за дверями. Вскоре он вернулся с двумя графинами настойки, банкой тушеного мяса и миской грибов. Лида кинулась к нему помогать, боясь, что уронит, но Скупцов движением плеча отстранил ее, поставил все на стол и бросил коротко:

— Командуй. В шкафу посуды Сервировать стол. — с трудом выговорил Скупцов замысловатое слово. Его он недавно слышал в пьесе, что смотрел по телевизору. — Горячего я уже ничего делать не стану.

Лида тем временем быстро приготовила стол, красное разлила все по тарелочкам, достала мямочки, Федор мельком взглянул на ее работу и про себя отметил: может, чертовка. Вся в мать... И тут он поймал ее взгляд: лукавый, внимательный. Стало ясно, что она все понимает, видит его насквозь и оттого Скупцову сделалось как-то не по себе, он почувствовал себя не хозяином дома, а гостем. Но такое состояние было не долго. Он громко обратился к зятю:

— Давай к столу. Так сказать, свадьба вана. Настоящую-то упрятали от родителей. Да ладно, кто старое вспомнит... Настоячка своего изготовления — не обесудеть...

Выпили настойки на лимоне. Скупцов — врястяжку, Костя сглотнул неловко, поперхнулся, поймал вилкой белый груздь, ткнул его в рот и стал торопливо жевать. Лида отпила малую малость, поставила рюмку на стол и потянулась вилкой к тушенке. Она знала, что отец делал ее сам, и потому решила попробовать: не разучился ли делать. И детства вспомнилось разом. Бывало, вот так потянет-

ся она за куском мяса, а отец ложкой хряпнет по руке, да назидательно рявкнет: «Не лезь загодя старших. Культуру соблюдай. И чему вас в школе учут».

Разговор не клеился, Федор размышлял о дочке. Он не мог простить ей побег. Живни бы она здесь, он нашел бы ей жениха по своему вкусу. Был у них в сапожной в ту пору папень. Видом, правда, не вышел, но трезвенник и мастеровой. На руку скуп. С таким богатством только множить. Но Костя, вглядя, тоже парень себе на уме...

— Давай еще по одной пропустим? Вы как, проездом или на курорт?

— На выходные нас, отец, послали, а там отпуск мы взяли. Костя и предложил к тебе заехать.

«Ишь, молодец! Губа не дура. Чует, где счастьем пахнет. То-то. А сказать им о собаке? Нет, пожалуй, не стоит. Останутся, напишем отсюда заявление на расчет, а там как-нибудь и за вещами споняем, или кто перешлет. Хотя, надеяться на этих пересильщиков...»

— Пей, Костя. Наливай что по вкусу. Это вот на лимончике, а эта на смородинке. Еремей, есть тут у меня знакомый, так говорит, что за границей нет моды разливать. Желашень — пей, не желашень — не пей. На уважение, я скажу, тут бьют. И то сказать, накачивать зачем человека? С понятием если человек, пей сколько есть потребностей. А если без понятия человек, нахлещется и вверх воронкой... Куда такое? Ты пей, Костя, не стесняйся. Первый же раз у меня...

Костя слушал тестя рассеянно, без всякого интереса. Ему не хотелось сюда заезжать, но он уступил давнишним просьбам жены. Что ни говори, а отец. Какой бы ни был. По ее рассказам он представлял его. Представления почти совпали. Только вот радушно принимает разве... Пить Костя не хотел и не любил. Он, боясь обидеть хозяйку, но не отставал от него. А чем больше пил, становился угрюмым, трещала голова, хо-

телось спать. Старик может делать настройку...

— Скажу вам, дети мои: живу я не худо и не бедно. Достаток у меня полный. Деньжат на две «Волги»... Разве чуть, не хватит... Взвал бы, да соседя пальцем тыкать будут... Захвисть. Кожа есть, хоть мастерскую открывай. Я к чему это, Костя? Ты выпей! Соседи у меня хреновые. Сад мой им покоя не дает. Мальцов на воронство сбивают... Жалобы всякие пишут...

— Я, отец, почему-то считал, что человек должен жить не тем, что нажил, а тем, чем живет, и радость получает от того, от своего труда.

— Совершенно верно, Костя. Так оно и есть на самом деле. Вон Гагарин салты-малты в космосе сделал и, я скажу, полъза и радость, и стране, и себе. Живет себе в свою пользу, на всем государственном. И семья его в достатке, и родня не в обиде...

— Мда-а... — протанул Костя, поиграв переносицу. Он потерял всякую охоту говорить. Перед ним сидел человек, которого уже никогда не переубедить в его философии. Вспомнился захвост Клим Васильевич, что был у них в детдоме. Высокий, статный мужчина с широким раздвоенным подбородком, со свирепым взглядом. На фронт его не взяли. У него не было левой руки. Он любил награждать детей подзатыльниками и был убежден, что если ребенка не бить, значит портит. И когда его за это выгнали он заявил на прощанье: «Без меня бандитами все отсюда выйдут».

— Вот завтра я покажу вам мной нажитое. Своим горбом. Копейка к копейке... В другой раз и в куске приходится отказываться. А что поделаешь? С зимы начинаешь с рассадой пуп надирать, весной поту прольешь речку, а потом на рынок вынес и голимые денежки. Без труда не вынешь и рыбку из пруда. Отец мой, покойничек, так любил говорить...

Спал Костя с женой в просторной комнате, в мягкой пухо-

вой постели. Смутно угадывался потолок, слабо синело окно, и на фоне его топорщилось, как живое существо, алоз. Его загнутые, неровные ветви казались шупальцами осьминога. И эти шупальца танулись к кровати, где лежал Костя. Они искали его, и Костя уже ощущал на себе их липкое прикосновение. Он старался убеждать от них, но ноги, словно ватные, подгибались, глаза не раскрывались и он не мог разглядеть откуда тянутся шупальца. А когда на него навалилась тяжелая и мокрая масса, Костя проснулся... Все так же синело окно, и на месте стоял горшок с алоз. Изредка по стенам комнаты ползали зеленые сплохи, где-то в городе строили, и работала электросварка, и тогда появлялись портреты бородатых стариков с золотыми, женщины без улыбок в пышных одеждах и коврик с лебедями.

Утром Костя с Лидой хоть и поднялись рано, но на столе уже были готовы наваристые щи, скоророда жареной картошки. И опять была настойка. Костя отказался от выпивки, но Скупцов вылил целый стакан. Рюмки на этот раз не до-

ставали. Скупцов быстро порозовел, обмяк и уставившись хмурым взглядом на Костю, грубовато бросил:

— Оставайся? Не пожалей! Чего кончить на холоде? Машину купи, на юг поедете отдыхать...

— Не сердись, отец, а я тебе скажу: погря ты в этих кожах и поросятах. Делать тебе нечего. Тебе жить скучно...

Скупцов вадрогнул при этом. Вспомнилась старуха и ее слова о скуке. Он не мог понять, людей, которых одолевала скука от богатства. Не знал и не хотел знать дальних путей. От поездок только одно разорение. Только лежал камень травой обрастает. А тот, что вода с места на место перекатывается, гладок бывает. Недаром его голыком прозывают. От слова голытьба. Где понять такое нынешней молодежи. С неполным рассудком none молодежь...

В полдень гости уезжали. Старик не пошел их провожать на станцию. Он стоял на крыльце и угрюмо смотрел вслед дочери и зятю.

— Проклятье... — глухо простонал он в спину уходящим и опять горько пожалел, так нехотати подохо кобель...

У ГОЛУБОГО ЭКРАНА

ВТОРНИК, 2 августа.

19.30 Показывают студии страны: «Рабочий у власти», «Два рассказа Саттар-Ака», «Маю у синих гор», «Лес пробуждается», «Далеко на Шантаргах». Телеочерки. 20.30 Телевизионные новости. 20.40 Киножурнал. 20.50 Поспорию в вусах, Люди и вещи. 21.35 «Кола Брюньон». Спектакль Центрального телевидения. 23.00 Биография песен.

СРЕДА, 3 августа.

12.00 «Ивайло». Художественный фильм. 19.30 Что видел ежик. 19.50 «Лесная сказка». 20.05 Поговорим о лете.

20.30 Телевизионные новости. 20.40 Урожай — надежную крышу. 20.55 «Ивайло». Художественный фильм. 22.15 Музыкальный вальс.

ЧЕТВЕРГ, 4 августа.

19.30 Показывают студии страны: «Полезная бесполезность». «Круги смелых». Телеочерки. 20.30 Телевизионные новости. 20.40 Мастера зарубежного кино. Жан Габен. 21.25 «Иванна» Художественный фильм.

Редатор П. П. КОЗЛОВ.

Окончание. Начало в № 89.

Новосибирская база посылторга Министерства торговли РСФСР может выслать почтой наложенным платежом в адрес индивидуального покупателя следующие товары:

// Ленинское знамя, 1966, 2 августа, с. 4.